

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОУ ВПО «ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Сборник научных трудов

ВЫПУСК III

Барнаул 2009

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*;
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*;
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*;
доктор исторических наук *А.А. Тишкин*;
доктор исторических наук *А.В. Харинский*;
доктор исторических наук *С.А. Яценко*;
кандидат исторических наук *Ю.И. Ожередов*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник научных трудов / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Азбука, 2009. – Вып. III. – 332 с.

ISBN 978-5-93957-363-4

В сборнике представлены результаты изучения мировоззрения народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в разные исторические периоды. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов традиционных обществ, а также религиозно-правовым проблемам. Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

ISBN 978-5-93957-363-4

Сборник подготовлен и издан при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/Г, тема «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии»)

На обложке: антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
I. Религиозные верования и обряды древних и средневековых народов Центральной Азии и сопредельных территорий	
<i>Д.С. Байгунаков</i> Некоторые античные авторы о религиозных представлениях народов Центральной Азии.....	8
<i>М.В. Головизнин</i> «Православно-буддистский диалог» и его культурно-исторические последствия в Южной Сибири XVII–XVIII вв.	19
<i>П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин</i> Погребальный обряд тюркской культуры Алтая и некоторые особенности религиозной системы кочевников	36
<i>М.В. Егорочкин</i> Военная идеология древних тюрков (по материалам орхонских и енисейских письменных памятников).....	64
<i>А.В. Запорожченко, К.В. Луговой</i> Индоиранские инициационные ритуалы и их отражение в осетинском нартовском эпосе	77
<i>В.Е. Ларичев</i> Панно изображений богов и «записей» времени: «прочтение» знаково-образных «текстов» святилища Хачурт (реконструкция однолетних и многолетних систем счисления лунно-солнечных циклов в культуре палеометалла Центральной Азии)	87
<i>О.К. Михельсон</i> Феноменология религии и исследование ранних форм культуры.....	105
<i>Ю.И. Ожередов</i> Новая находка Г.Н. Потанина на «Монгольской тропе».....	112
<i>К. Петросян</i> Анимистические представления в верованиях сюнну (по китайским источникам)	122
<i>К.А. Руденко</i> Конь в погребальном ритуале населения Предуралья в VI–IX вв.: восток или запад?	125

Н.И. Рыбаков
«Процессия» – памятник согдийско-енисейских культурно-исторических взаимосвязей..... 137

Ю.Б. Сериков
Шайтанское озеро – «святое» озеро древности 161

II. Современные этноконфессиональные процессы и традиционные верования народов Южной Сибири и Центральной Азии

В.А. Бурнаков
Медведь и Эрлик-хан как существа высшего порядка в традиционном мировоззрении хакасов 177

Г.Н. Варавина
Погребальная одежда эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.) 182

Б.А. Досова
Новые (нетрадиционные) религии: миссия на территории Казахстана..... 187

Э.В. Енчинов
Имянаречение – первичная социализация ребенка в алтайской культуре 194

В.М. Мендешева
Образ Бай-Ульгения и Аба-Эрлика в традиционном мировоззрении алтайцев..... 200

А.С. Мишукова
Экологический аспект религиозного мировоззрения в культуре тувинцев 207

В.В. Николаев
Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая.... 213

Д.А. Николаева
Архетипы женского культа в традиционной культуре бурят Предбайкалья..... 223

Н.А. Тадина
Обрядовая символика бурханистов 229

И.Н. Трошкина
Трансформация семьи в Хакасии (аксиологический аспект)..... 239

М.С. Уланов
Буддизм в современной России: традиция или модернизация 248

<i>В.В. Ушницкий</i>	
Воинские ритуалы и обряды якутов: илбис Түгэри (обряд вселения духа кровожадности в воина).....	252
<i>Н.И. Шутова</i>	
Типы и разновидности деревенских святынь Камско-Вятского региона в XVII–XX вв.....	260
<i>Т.С. Ябыштаев</i>	
Об этнических маркерах алтайцев в свете реконструкции мировоззренческой системы	272
III. Религия и политика в государствах Центральной Азии	
<i>А.С. Жанбосинова</i>	
Эволюция законодательно-правовой политики государства в отношении религиозного культа в 20-е гг. XX в.	279
<i>Р.В. Новожеев</i>	
Атрибуты власти в кочевых социумах средневековья.....	291
<i>Р.Ш. Нуриден</i>	
Конфессиональная политика Казахстана	296
<i>Р.Ю. Почекаев</i>	
Особенности формирования правовых воззрений кочевников Центральной Азии.....	301
<i>Э.Г. Торушев</i>	
Новая политика по отношению к религии в Горном Алтае (20–30-е гг. XX в.)	312
<i>М.Ш. Шарифов</i>	
Восточная идеократическая государственность.....	317
Список сокращений	324
Сведения об авторах	325

вых и традиционных религий Н. Назарбаев пригласил религиозных лидеров раз в год прочитать почетную лекцию и при этом отметил: «Если мировые лидеры ислама, христианства, буддизма, индуизма, даосизма, иудаизма, конфуцианства или синтоизма ежегодно будут нести свое слово мира и согласия моим соотечественникам, то это стало бы одним из ярких духовных явлений Евразии». На приглашение откликнулись представители религий мира, среди них Его Высокопреосвященство Кардинал Теодор Эдгар Мак-Керик, Президент Всемирного Совета культурного наследия Заратуштры, доктор Хоми Дхалла и др.

Сегодня много говорится и пишется об идейной консолидации всех этносов и конфессий в стране. И это необходимо, того требуют нынешние реалии нашей жизни, это нужно ради интересов всех граждан Казахстана. И в этом процессе не последнюю роль может сыграть разумная государственная политика в отношении разных конфессий в республике.

Библиографический список

Религия и право: Информационный бюллетень. 2007. №2.

Сборник выступлений Второго съезда лидеров мировых и традиционных религий и почетных гостей. Астана, 2006.

Первый съезд лидеров мировых и традиционных религий: Сборник материалов, выступлений и приветственных посланий. Астана, 2003.

Р.Ю. Почекаев

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Правовые воззрения средневековых кочевников Евразии представляют собой весьма интересную тему для исследования. Прежде всего отметим, что сложившийся стереотип о том, что в традиционных обществах право, религия, этика переплетались настолько тесно, что разделить их практически невозможно, не вполне соответствует ситуации, сложившейся у кочевников VI–XIII вв.: тюрки и монголы четко выделяли категорию «право, закон», и их правовые представления нашли отражение в ряде средневековых текстов.

Наиболее ранний источник – древнетюркские надписи в честь каганов первой половины VIII в. н.э. Кюль-тегина и Йолыг-тегина, составленные в 730-е гг.

Одним из важнейших источников, содержащих сведения о правовых взглядах средневековых тюрков, является поэма «Благодатное знание», написанная в 1069–1070 гг. Юсуфом Баласагуни. В поэме созданы весьма подробные образы идеального правителя и его советников, отражены правовые воззрения тюрков XI в. Автор поэмы носил прозвище «Хас-Хаджиб», т.е. был крупным чиновником, а возможно, и визирем в государстве Караханидов, так что его представления о законе и правителях не были «мудрствованием» философа, а отражали идеологию правящей верхушки тюркского общества. Идеи, нашедшие воплощение в «Благодатном знании», оказали значительное влияние на правовые взгляды тюрков и монголов более поздних периодов (Бартольд В.В., 2002, с. 366).

Сведения о правовых воззрениях тюрков содержатся и в сочинениях эпического характера. Например, «Китаб-и дэдэм Коркут» («Книга моего деда Коркута»), тюркский героический эпос, складывавшийся на протяжении IX–XV вв., содержит немало сведений историко-правового характера. Исследователи уже обратили внимание на это сочинение как источник о конкретных правовых нормах средневековых тюрков (Жирмунский В., 1962, с. 187), но в нем также содержатся и отдельные сведения об их правовых воззрениях.

Другой источник подобного рода – «Огуз-наме», которое является частью знаменитого труда персидского историка Рашид ад-Дина «Сборник летописей» (ок. 1307 г.), но обычно рассматривается как самостоятельное произведение. «Огуз-наме» также отражает представления западно-тюркских племен о праве.

Наконец, к эпическим произведениям можно отнести «Родословную туркмен», написанную около 1661 г. хивинским ханом Абу-л-Гази. Как и «Огуз-наме», это произведение имеет автора, но основано на народных преданиях и поэтому с полным правом может быть отнесено к произведениям эпического характера. В «Родословной туркмен» также встречается ряд ценных сообщений о взглядах тюрков на право и правотворчество.

Сведения о правовых взглядах монголов до империи Чингисхана, провозглашенной в 1206 г., содержатся в «Сокровенном сказании» («Тайной истории монголов»), составление которой исследователи относят к 1240 г., однако значительная часть описанных в ней событий относится к периоду, предшествующему созданию Монгольской империи. «Сокровенное сказание» содержит сведения о различных источниках монгольского права, а также отражает эволюцию правовых взглядов средневековых монголов (переход от господства естественного права к праву позитивному, если пользоваться современной терминологией).

Дальнейшая эволюция правовых взглядов монголов отражена в биликах – изречениях Чингисхана по разным поводам, которые дошли до нас в составе сочинения Рашид ад-Дина «Сборник летописей», а также в еще одном труде Абу-л-Гази-хана «Родословное древо тюрков» (закончен его

сыном Ануша-Мухаммад-ханом ок. 1665 г.). Билики, содержащиеся в «Родословном древе тюрков», фактически являются пересказом из «Сборника летописей», и это интересно еще и потому, что потомки Чингисхана помнили о его правовых взглядах даже в середине XVII в. (Абу-л-Гази был прямым потомком Чингисхана). Также имеются некоторые сообщения и оценки значения Чингисхана в формировании монгольского права в сочинении монгольского историка середины XVII в. Саган-Сэцэна «Эрдэнийн Эрихэ» («Драгоценное сказание»). О роли Чингисхана в эволюции монгольского средневекового права и правовых идей сообщают также некоторые иностранные авторы – в частности, автор «Книги о Тартарах» Иоанн де Плано Карпини, посланец папы римского к монголам, и его спутник Бенедикт Поляк, на основании сведений которого была составлена «История Тартар» (1247 г.).

Последующая эволюция правовых представлений монголов отражена в историко-правовом памятнике «Цаган теуке» («Белая история»), который создавался в течение второй половины XIII – первой половины XVI вв. и отражает влияние буддийского учения на правовые взгляды монголов этого периода.

Вышеупомянутые источники позволяют составить определенное представление об особенностях правовых воззрений средневековых тюрко-монгольских народов.

Представления средневековых тюрков и монголов о праве можно считать специфическими, но при этом обнаружить немало общих черт как с правом других народов Азии (китайцев, индийцев, персов, арабов), так и с идеями европейских философов права – причем разных времен и направлений. Анализ правовых взглядов средневековых кочевников представляется достаточно важным еще и потому, что, несмотря на существенное влияние западных правовых взглядов («вестернизацию права»), в традиционных обществах и сегодня реализуются принципы и подходы к праву, которые сложились в рассматриваемый в настоящей работе период времени. Их применение приводит к складыванию особого «восточного» правосознания и к тому, что правовое поведение («реальное право») нередко существенно отличается от права писаного («формального») (Поляков А.В., 2001, с. 284–285). Эта достаточно противоречивая ситуация сложилась, вероятно, уже в XX в., и причиной ее, на наш взгляд, стало именно насаждение в странах Азии правовых систем западного образца, во многом так и оставшихся чуждыми для народов Востока. В средние века подобного конфликта между правовыми взглядами и правовыми нормами не существовало: правовые идеи не просто соотносились с нормами действующего права, но и составляли его органическую часть. Рассмотрим, как это действовало на практике.

В мировоззрении средневековых тюрков и монголов право (закон) обозначается термином «торе» (варианты: тору, торё и др.). Впервые этот

термин зафиксирован в древнетюркских надписях VIII в. и употреблялся в тюркской и монгольской традиции как минимум до конца XIX в. При этом понятия «право» и «закон» в представлении тюрко-монгольских народов были идентичны, почему мы и говорим о праве, указывая в скобках «закон» (Doerfer G., 1963, s. 264).

Торе было Высшим законом, который даровался народу Небом, и его соблюдение гарантировало сохранение существующего миропорядка и благоденствие народа (Скрынникова Т.Д., 2002, с. 144). Эти представления нашли отражение в поэме «Кудатгу билик»: «Где властен закон, там безбеден народ, / И в славе времен его имя живет» (Юсуф Баласагуни, 1990, с. 87). Несоблюдение закона, напротив, приводит к ослаблению и разрушению государства, упадку и уничтожению народа: «Насилие – пламя, что насмерть сожжет, / Закон – это благо живительных вод!..» (Юсуф Баласагуни, 1990, с. 210). Поэтому одним из первых действий при создании нового государства являлось распространение среди населения идеи о праве, законе. Так, в надписи в честь тюркского кагана Кюль-тегина (первая пол. VIII в.) сообщается: «Тогда-то мой отец стал возрождать народ: / Утративших закон – к законам приобщал...» (Каменные письмена, 2005, с. 105).

Исследователи не случайно сравнивают торе с индуистской категорией «дхарма», которое также означало совокупность правил, соблюдение которых гарантировало сохранение равновесия в мире (Древнетюркский словарь, 1969, с. 581; Скрынникова Т.Д., 1997, с. 47, 55). Подобное восприятие торе позволяет говорить о нем не как о системе непосредственно действующих правил поведения, а как о неких предустановленных нормах (Кельзен Г., 1994, с. 146, 151).

Кочевники Центральной Азии связывали возникновение закона с волей Неба, и потому правовые предписания для них были незыблемы. Так, например, один из героев «Книги Коркута» обращается к соседям: «Что же вы не могли хоть немного присмотреть за моим домом? право соседа – право бога», а другой говорит собственной матери: «Да засохнут твои уста, мать, да сгниет твой язык, мать! Право матери – право бога; не то я поднялся бы и встал со своего места, схватил бы тебя за ворот и горло, бросил бы тебя под мою сильную пятую, придавил бы твой белый лик к черной земле, заставил бы зажурчать кровь из твоих уст и носа, показал бы тебе сладость жизни!..» (Книга, 1962, с. 13, 27).

Последнее сообщение весьма красноречиво свидетельствует о том, что тюрки (как и монголы) опасались нарушать законы не только потому, что им грозило наказание от людей, но и из-за боязни небесной кары. Любое несоблюдение установленных Небом правил влекло нарушение баланса сил в мире, и последствия могли быть непредсказуемыми. Небесная кара могла обрушиться не только на нарушителя, но и на представителей его семейства, рода или просто окружающих. Именно поэтому, не желая

допустить тяжких последствий, тюрки и монголы стремились сурово наказать нарушителя сами, пока Небо не обрушило свое наказание также и на невиновных (Эгль Д., 2004, с. 506).

Вместе с тем не следует представлять правовые воззрения средневековых кочевников только как обоснование и оправдание карательных функций по отношению к истинным и мнимым преступникам. Само отождествление права (закона) с гармонией в мире, благосостоянием народа противоречит такому отождествлению. Кроме того, у Юсуфа Баласагуни находим и поистине гуманистическое суждение о законе: «Закон правит миром – о том не забудем, / Он – знак человечности, свойственной людям» (Юсуф Баласагуни, 1990, с. 469).

Не позволяет отождествить закон с карательной государственной машиной и тюркская поговорка XI в.: «Исчезает государство, [но] сохраняется тору». Исследователи по-разному склонны объяснять значение этой поговорки. Так, одни полагают, что ее смысл заключается в непреходящем значении Высшего закона, его преемственности от государства к государству (Трепавлов В.В., 1993, с. 41). Другие специалисты считают, что она свидетельствует о верховенстве закона над государством и его правителями (Скрынникова Т.Д., 1997, с. 47). Это позволяет сделать вывод о том, что тюрки и монголы в какой-то степени ставили закон выше государственной власти. Однако не является ли этот вывод преждевременным? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть, как в средневековом кочевом обществе соотносили закон и власть.

Любопытно, что термином «торе» средневековые тюрки и монголы обозначали не только «право, закон», но также и «власть, правление, правительство, порядок» (Хамфри К., 2004, с. 466; Большой словарь, 2001, с. 245). Подобная эволюция термина отнюдь не случайна: даже в самых древних тюркских источниках о праве оно четко ассоциируется с правителями. Так, надпись в честь Кюль-тегина гласит: «Восстановил наш эль мой доблестный отец. / Народу дав закон, сам к предкам отошел» (Каменные письмены, 2005, с. 105). В надписи, сделанной по приказу тюркского правителя Йолыг-тегина в честь его деда Кутлуг-Ильтерес-хана (между 732 и 735 гг.), содержится сообщение: «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу – Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращеры Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков...» (цит. по: Кляшторный С.Г., 2004, с. 85). В «Кудатгу билике» также сообщается о том, что закон даруется правителями: «Властители – те из них, кто с разумением, / Надежный закон даровали владеньям» (Юсуф Баласагуни, 1990, с. 84).

Однако на этом этапе развития тюркского права (XI в.) правитель не творит право или законы – он всего лишь является посредником между Небом и людьми, которым возглашает божественную волю. Правитель –

олицетворение закона, установленного Небом: как заявляет правитель в поэме Юсуфа Баласагуни, «Я – знак Справедливости, правды закон, / Пойми, чем и славен, и праведен он» (Юсуф Баласагуни, 1990, с. 123). Но при этом государь никак не творец права. Поэтому в древних памятниках правители не создают закон, а «дают» его народу, «укрепляют» его. Об этом говорит и Юсуф Баласагуни (1990, с. 177): «Элик еще больше стал властью силен, / И день ото дня укреплял он закон».

Еще в меньшей степени обладали правами в законодательной сфере монгольские правители до Чингисхана. Если у тюрков каганы провозглашали законы, установленные Небом, поддерживали и толковали их, то у монголов XI–XII вв. эта функция принадлежала другим лицам. На основании «Сокровенного сказания» можно сделать вывод, что даже сам Чингисхан до того, как его власть достаточно окрепла, вынужден был считаться с толкованием права, которое осуществляли племенные старейшины, носившие титул «беки» (Почекаев Р.Ю., 2004, с. 536–537). Не удивительно, что для укрепления власти Чингисхан в первую очередь постарался монополизировать привилегию толкования права. В начале XIII в. он уже сам толкует Великий закон, но только в своих интересах: «По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан – беки», или: «Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы памятовали о Законе, о Великой Правде, Еке-Торе» (Козин С.А., 1941, §216, 220).

Принципиально новым явлением в системе представлений о праве стало появление биликов Чингисхана: высказывания и суждения основателя Монгольской империи стали своего рода «доктринальным источником» монгольского средневекового права, идеологической основой формирования правосознания средневековых монголов в имперский период. По мнению Чингисхана, именно с его правления началась новая государственность монголов: «...люди, пользовавшиеся [всеми] благами, не обогащали население страны и не оказывали [ему] поддержки, пренебрегали обычаем [йусун] и законом [йаса], соображениями разума и обстоятельства, и по этой причине [становились] противниками управителей [мутаваллиан] государства... Так как по милости великого господя я... привел от себя эти билики, то по причине этого наше спокойное, веселое и привольное житье продолжается до настоящего времени. В будущем, вплоть до пятисот, тысячи и десяти тысяч лет, если потомки, которые появятся на свет и воссядут на ханство, будут также хранить обычай [йусун] и закон [йасак] Чингиз-хана, которые в народе ко всему применимы, и не изменять их, то с неба снизойдет помощь их державе и они всегда будут [пребывать] в радости и весели. Господь вселенной взыщет их [своими] милостями, а жители мира будут за них молиться, они будут долговечными и будут наслаждаться благами [жизни]» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 259–260). Подобно Юсуфу Баласагуни, Чингисхан предупреждает своих потомков и подданных об

опасности отступления от закона: «Если великие люди [государства], бахадурь и эмиры, которые будут при многих детях государей, что появятся на свет после сего, не будут крепко держаться закона, то дело государства потрясется и прервется, будут страстно искать Чингиз-хана, но не найдут [его]!» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 260).

Трансформацию дарованного свыше закона в систему норм, установленных основателем Великой Монгольской империи отразил следующий билик Чингисхана: «Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингиз-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своей юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, [и] тот, и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников!» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 260; ср.: Абуль-Гази, 1996, с. 80). Интересно сравнить это изречение с идеями древнегреческих мудрецов о том, что власть должна находиться в руках знающих: Чингисхан также утверждает, что только обладающие правовым знанием имеют право на власть, но правовое знание – это уже его собственные суждения о законах!

Билики Чингисхана уже при его ближайших преемниках стали важным источником правовой идеологии монголов. Они являлись предметом изучения, и их знание порой даже служило основанием для получения высшей власти в империи. Например, когда умер великий хан Хубилай, и на трон стали претендовать два его внука, «между Тимур-кааном и [его братом] Камалой, который был годами старше его, начались споры и пререкания относительно престола и царствования. Кокчин-хатун, которая была крайне умна и способна, сказала: «Мудрый каан... приказал, чтобы на престол воссел тот, кто лучше знает билики Чингиз-хана, теперь пусть каждый из вас скажет его билики, чтобы присутствующие вельможи увидели, кто лучше знает». Так как Тимур-каан весьма красноречив и [хороший] рассказчик, то он красивым голосом весьма хорошо изложил билики, а Камала, из-за того, что он немного заикается и не владеет в совершенстве речью, оказался бессилён в словопрении с ним. Все единогласно провозгласили, что Тимур-каан лучше знает и красивее излагает [билики] и что венца и престола заслуживает он» (Рашид ад-Дин, 1960, с. 206; Кляшторный С.Г., 2004, с. 191).

Уже вскоре после смерти Чингисхан стал восприниматься как создатель монгольского права. Он умер в 1227 г., а уже в 1247 г. Бенедикт Поляк сообщает: «Согласно некоторым преданиям, Чингис-кан был создателем их [религиозного права]...», а чуть ниже: «Кроме того, у них есть некие традиции, [созданные] Чингис-каном, которые они соблюдают» (История Татар, 2002, с. 116, 117). Монгольские авторы более позднего времени также отражают эту тенденцию. Историк XVII в. Саган-Сэцэн пишет: «Чингис-хан принялся учреждать порядок и законы для своего

огромного народа, на твердые столбы ставил царство и державу» (Хара-Даван Э., 1996, с. 128). Как видим, речь идет уже не о доведении до народа законов, данных Небом, или их поддержании и укреплении, а о вполне определенном «учреждении», т.е. законотворчестве Чингисхана, которое в глазах его потомков (Саган-Сэцэн принадлежал к роду Чингисхана) не подлежит сомнению.

«Этатистские» воззрения монголов имперского периода привели и к трансформации представления о торе – Высшем законе. Прежде ему можно было только «следовать», и даже сам хан не вправе был его изменять или дополнять. Теперь же торе превращается из закона в «правление, порядок»: хан провозглашается «владыкой великого правления (*törü*), могущественным повелителем вселенной» (Белая история, 2001, с. 73, 88–89). В отдельных государствах соблюдается торе («тура»), приписываемое конкретным правителям из рода Чингисхана: например, центральноазиатский автор XV в. Муин ад-Дин Натанзи сообщает о «туре Бату», т.е. Батые, правителя Золотой Орды (Материалы, 1973, с. 128). Таким образом, полномочия в сфере правотворчества оказываются закрепленными за Чингисханом и его потомством.

Любопытно отметить, что в сочинениях XIV–XVII вв. появляются сведения о законодательной деятельности и древнетюркских правителей: хотя авторы этих трудов и опирались на народные предания, сведения о правотворчестве и правовой действительности они, несомненно, соотносили с правовой идеологией своего времени. Так, например, Рашид ад-Дин в «Огуз-наме» сообщает: «Тогрул сказал: «Кто хочет стать *падишахом*, тому подобно установить добрые законы и обычаи. Шах-Мёлик наказан за свои гнусные деяния и понес ответственность за свои грязные проступки и преступления!»» (Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987, с. 92). Как видим, речь опять идет об установлении закона, которое возводится в принцип деятельности государя. Абу-л-Гази в «Родословной туркмен» также объявляет конкретных правителей создателями законов и даже обычаев: «Ануш также следовал закону (*шари'ам*) своего отца и деда», «[Тюрк] ввел [в обиход] кибитку (*харгаһој*). Некоторые обычаи, которые бытуют среди тюрков, пошли от него»; «Тутек был мудрым, могущественным [и] добрым государем. Он установил многие обычаи, [бытующие] среди тюрков» (Родословная, 1958, с. 37, 39).

Как видим, «естественно-правовые» взгляды древних тюрков и монголов с XIII в. трансформируются в «этатистские», однако этот процесс нельзя считать ломкой традиционного правосознания: просто было найдено обоснование, согласно которому ханы получили право на установление законов, что раньше являлось прерогативой самого Неба. Этим обоснованием стали некие сверхъестественные способности Чингисхана и его потомков, которые средневековые монголы называли *суи јали*, а современные исследователи удачно переводят как «харизма» (Скрынникова Т.Д., 1995,

с. 143). Поскольку род Чингисхана считался происходившим от Неба, в представлении монголов ему делегировались верховная власть и права в сфере законодательства. Нарушение установленных Чингизидами законов влекло не менее суровое наказание, чем нарушение норм, исходивших от Неба, которые бытовали ранее.

Средневековые тюрки и монголы не были изолированы от окружающих народов и государств и активно взаимодействовали с ними. Наиболее тесные отношения они поддерживали с Китаем и с мусульманскими государствами Центральной Азии. Не удивительно, что на формирование их правовых взглядов оказали существенное влияние идеи китайских и мусульманских мыслителей. Так, например, столь характерное для средневековых кочевников представление о праве (законе) и его соблюдении как гарантии сохранения миропорядка и процветания государства, вероятно, берет начало из традиционной китайской философии – даосизма или конфуцианства (ср.: Скрынникова Т.Д., 2002, с. 144). По мнению некоторых исследователей, источником правовых идей Чингисхана также могли служить китайские правовые памятники (Вернадский Г.В., 1999, с. 134).

Турецкий исследователь тюркского права Садри Максуди Арсал (1879–1957) при анализе вышеупомянутого произведения Юсуфа Баласагуни «Кудатгу билик» обнаружил практически дословные совпадения в этой поэме и произведениях арабского правоведа аль-Фараби (870–950) о «благодетельном городе». Кроме того, он нашел также немало общего между представлениями Юсуфа Баласагуни и учением Конфуция о роли нравственности в управлении государствам. Это влияние объяснялось, по мнению Арсала, постоянным взаимодействием между средневековыми уйгурами и Китаем (Садри Максуди, 2002, с. 115–116).

В дальнейшем влияние мусульманского права в тюркских и монгольских государствах все более и более усиливалось, а в системе действующего права стало даже преобладающим. Особенно ярко это проявилось в тех государствах, которые приняли ислам – Золотой Орде и ее наследниках (Казанское, Крымское, Астраханское, Казахское ханства) и др. Однако они сохранили древнюю тюрко-монгольскую традицию создания права монархами. Это противоречило мусульманской доктрине, согласно которой государи были связаны нормами шариата и могли только принимать решения по частным вопросам, которые соблюдались, если, по мнению правоведов, не противоречили шариату. Правители же тюрко-монгольских государств активно занимались правотворчеством (Сюкияйнен Л.Р., 1986, с. 74).

Монгольские государства Центральной Азии, в отличие от тюркских государств, приняли буддизм, что прежде всего проявилось в разделении функций государя как правителя и жреца: теперь монарх сохранял за собой исполнительную и военную власть, тогда как сакральные функции переходили к высшим иерархам буддийского духовенства. В правовых

идеях монголов это явление получило название «учение о двух законах» – т.е. права светского и духовного (которое в европейской традиции именовалось каноническим). Несмотря на то, что эти два «закона» сочетались и дополняли друг друга, все же речь уже не шла о некоем едином Высшем законе, как в «языческий» период истории тюрко-монгольских народов (Белая история, 2001, с. 72, 82; Скрынникова Т.Д., 2002, с. 144–145). И даже это учение можно характеризовать как самобытное: оно получило распространение исключительно среди монгольских народов – монголов, бурятов, калмыков, тувинцев и не имело приверженцев в других странах.

Таким образом, несмотря на значительное влияние мусульманских и буддийских правовых идей на тюрко-монгольские представления о праве, последние сохранились в своей уникальности, что привело к формированию достаточно своеобразного типа правосознания, элементы которого бытуют в государствах Центральной Азии и сегодня.

В заключение отметим, что, несмотря на ряд отмеченных нами специфических черт в правовых воззрениях средневековых тюрков и монголов, можно обнаружить параллели между ними и правовыми учениями европейских философов о праве. При этом в воззрениях средневековых кочевников достаточно органично сочетаются, казалось бы, взаимоисключающие идеи поборников естественного права и правового позитивизма.

Так, представления тюрков и монголов о праве (законе) и его соблюдении как гарантии сохранения равновесия в мире и процветания нации во многом соотносятся с учением древнегреческих философов – Сократа, Платона, Аристотеля, для которых закон и означал справедливость. В свою очередь тот факт, что право формулировалось для народа правителями – посредниками между подданными и Небом, а впоследствии и отождествлялось с правителями, позволяет говорить о близости их правовых взглядов с позитивистским учением, что подтверждает развитие правовых взглядов кочевников Центральной Азии параллельно и в одном направлении с правовыми идеями в Европе. В результате опровергается стереотип о правовых взглядах кочевников (и, соответственно, об их правовой системе в целом) как о совокупности неких примитивных «мононорм». Подобное представление складывалось еще в XVIII в., в частности, Ш.-Л. Монтескье (1999, с. 386–387) сводил все «международное право татар» к завоеванию слабых народов и присоединению к сильным, а «гражданское» – к наследованию имущества отца младшим из сыновей. Возможно, именно из-за этого стереотипа правовая система кочевых обществ, а в особенности – их правовые воззрения – до сих пор не привлекали серьезного внимания исследователей. Как мы имели возможность убедиться, они были достаточно сложными и развитыми и поэтому заслуживают гораздо большего внимания специалистов, чем им уделялось до сих пор.

Библиографический список

Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Т.; Б., 1996. С. 3–187.

Бартольд В.В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 365–368.

«Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв.: Пер. П.Б. Балданжапова и Ц.П. Ванчиковой, иссл, коммент. Ц.П. Ванчиковой. Улан-Удэ, 2001. 200 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001. Т. III. 440 с.

Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г.В. История права. СПб., 1999. С. 112–148.

Древнетюркский словарь. Л., 1969. 678 с.

Жирмунский В. Огузский героический эпос «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. М.; Л., 1962. С. 131–258.

«История Татар» Ц. де Бридиа: Пер. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». СПб., 2002. С. 75–126.

Каменные письма: древнетюркская поэзия VI–XII вв. / Сост., пер., лит. обраб. А.В. Преловского. М., 2005. 280 с.

Кельзен Г. Динамический аспект права // Конституция и власть: сравнительно-исторические исследования. М., 1994. С. 144–164.

Кляшторный С.Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. СПб., 2004. 368 с.

Книга моего деда Коркута. М.; Л., 1962. 299 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Юань чао би ши. М.; Л., 1941. 620 с.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Т. 1. 315 с.

Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999. 672 с.

Поляков А.В. Общая теория права: Курс лекций. СПб., 2001. 642 с.

Почекаев Р.Ю. Эволюция торе в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 530–543.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей: Пер. с перс. О.И. Смирновой. Прим. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; Под ред. А.А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. I, ч. 2. 316 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей: Пер. с перс. Ю.П. Верховского, прим. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова; Под ред. И.П. Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. II. 254 с.

Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М., 1958. 193 с.

Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань, 2002. 412 с.

Скрынникова Т.Д. Представления о харизме и культ Чингисхана у монголов // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. СПб., 1995. Вып. 15. С. 142–159.

Скрынникова Т.Д. Сакральное право средневековых монголов // *Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций*. М., 2002. С. 143–146.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. 216 с.

Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. М., 1986. 256 с.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М., 1993. 168 с.

Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Баку, 1987. 127 с.

Хамфри К. Значение термина *törü* в монгольской истории / К. Хамфри, А. Хурэлбатор // *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ, 2004. С. 464–482.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // *На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.* М., 1996. С. 73–274.

Эгль Д. Великая Яса Чингис-хана, Монгольская империя, культура и шариат // *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ, 2004. С. 491–530.

Юсуф Баласагуни. Благодатное знание: Пер., иссл., коммент. С.Н. Иванова. Л., 1990. 560 с.

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Band I. Wiesbaden, 1963. 560 s.

Э.Г. Торусhev

ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск

**НОВАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИИ
В ГОРНОМ АЛТАЕ (20–30-е гг. XX в.)**

Приход к власти большевиков и образование на территории бывшей Российской империи молодого Советского государства в корне изменили положение религии в государстве. Построение нового атеистического общества становится одним из краеугольных камней в идеологии советского правительства.

На территории Горного Алтая борьба с религией имела свои специфические черты, что было обусловлено отдаленностью региона и наличием этноконфессиональной неоднородностью населения.